

— Старший, как у тебя с готовкой? — Чу Хуайцинъ, увидев, как Су Хуайчэнь и монашек сидят в углу и ковыряют землю, не мог не рассмеяться, хотя и чувствовал лёгкую досаду. — Монашек, иди переоденься.

— Не хочу. — Монашек отвернулся, надув губы.

— Тогда походи и обработай рану кагу.

Как только Чу Хуайцинъ произнёс эти слова, монашек посмотрел на него с недоверием, словно не понимая, как тот мог сказать что-то столь жестокое.

— Она меня обманула.

— Она изначально не была курицей.

Чу Хуайцинъ сунул кагу в руки монашку, не обращая внимания на его нежелание, а затем попросил Линь Чжинанъ снова вскипятить два котла воды. После этого он вышел из навеса вместе с Ся Шаном, так как ему показалось, что он видел пурпурный папоротник поблизости. Обойдя навес, Чу Хуайцинъ заметил пурпурный папоротник недалеко от них, его изогнутые листья напоминали пушистые вопросительные знаки.

— Эти штуки, похожие на уши, съедобны? — Ся Шан наклонился и вырвал несколько стеблей. Дождь шёл уже два дня, земля была влажной, и выдёргивать их было легко.

— Пурпурный папоротник сейчас на рынке не найдёшь, он очень питательный. — Чу Хуайцинъ улыбнулся, но внезапно почувствовал головокружение и чуть не упал вперёд, если бы Ся Шан не поддержал его. Пальмовая шляпа упала на землю, дождь струился по волосам, вызывая неприятные ощущения. Чу Хуайцинъ хотел отстраниться, но его рука коснулась руки Ся Шана. Подняв голову, он встретился с глубоким взглядом Ся Шана.

Ся Шану было не по себе, в груди колело. Он протянул руку и вытер бледное лицо Чу Хуайцинъ, а затем внезапно притянул его к себе, прижав к груди. Чу Хуайцинъ, застигнутый врасплох, упал на колени, пурпурный папоротник выпал из его рук. Он моргнул, чувствуя себя ошеломлённым.

— Зачем ты участвуешь в этом шоу?

— Денег не хватает.

Чу Хуайцинъ когда-то занимался подпольными боями. В детстве его семья была обеспеченной, мать происходила из образованной семьи, но после развода родителей он с матерью переехал за границу, и жить стало тяжелее. Чтобы накопить деньги на лечение матери, он начал выходить на ринг в пятнадцать лет. Когда мать умерла, ему было семнадцать, и он вернулся на родину, чтобы учиться. Из-за некоторых обстоятельств Чу Хуайцинъ накопил долги, которые до сих пор не выплатил. Приз за выживание в дикой природе был действительно большим, и когда ему предложили контракт, он без колебаний подписал его.

— Отпусти меня. — Чу Хуайцинъ похлопал Ся Шана по плечу, отстраняя его. Увидев, как в глазах Ся Шана бушуют эмоции, он не смог сдержать лёгкой улыбки. Он всегда считал, что этот парень, хоть и странный, но хороший человек. И он не ошибся — теперь Ся Шан переживает за него. — Давай быстрее соберём папоротник и вернёмся, у меня кружится голова.

Чу Хуайцинъ чувствовал, что если он сейчас не поест, то упадёт от голода.

Они быстро собрали пурпурный папоротник и направились обратно к навесу.

Ся Шан шёл рядом с Чу Хуайцинем, время от времени украдкой поглядывая на него. Каждый раз, когда он видел его бледное лицо, сердце сжималось, но он не мог не смотреть, словно намеренно мучая себя.

— У меня много денег. — Ся Шан, неся пурпурный папоротник, осторожно произнёс.

— Молодец. — Чу Хуайцинъ кивнул, выражая одобрение.

— Нет, я, я... — Ся Шан заволновался, боясь, что его слова могут задеть Чу Хуайциня, но после небольшой паузы всё же сказал:

— У меня много денег, я могу дать тебе.

Чу Хуайцинъ повернулся к Ся Шану, и тот сразу же запаниковал, боясь, что его неправильно поняли.

— Нет, не пойми неправильно, у меня просто слишком много денег, и я не знаю, куда их тратить, так что ты можешь помочь мне их потратить.

Сказав это, он поднял подбородок и отвернулся, но краем глаза продолжал следить за реакцией Чу Хуайциня.

Чу Хуайцинъ: ...

[Прямой эфир]: ...

— Я тоже хочу помочь тратить, QAQ!!!

— Ааа, вот здесь, я тоже в долгах, найди меня!

— Ся Шан, смотри сюда, я очень послушный, я отлично умею тратить деньги, обращай ко мне! Гарантирую, что за минуту потрачу шестизначную сумму.

— Это что за декларация богатого наследника? «Я владею прудом» уже устарело, теперь в моде сценарий «У меня слишком много денег, помоги мне их потратить»?

Слова Ся Шана вызвали бурю в прямом эфире. Комментарии с предложениями помочь потратить деньги заполнили экран, все шутили и смеялись, но многие также следили за реакцией Чу Хуайциня, задаваясь вопросом, не обидится ли он, ведь такие слова действительно могли показаться унижительными.

Чу Хуайцинъ, однако, не придавал этому значения и лишь улыбнулся. Ся Шан, как и монашек, был для него младшим братом.

— Молодец, брат сам зарабатывает.

Сказав это, он пошёл вперёд, а Ся Шан остался стоять на месте, лишь через некоторое время последовав за ним. Его одинокий силуэт заставил многих зрителей покачать головой: никто не помогает тратить деньги, как же сложно.

Вернувшись в навес, они встретили Линь Чжинань. Увидев, что Чу Хуайцинь несёт зелень, она улыbnулась.

— Это я умею готовить, брат, отдохни, я сделаю тебе что-нибудь вкусное.

Линь Чжинань взяла котелок с пурпурным папоротником и побежала готовить. Чу Хуайцинь взглянул на кагу, которая сидела в углу, рана была обработана, но почему-то она дрожала. Он повернулся к монашку, который сидел и тыкал веткой в землю, время от времени поглядывая на кагу. Каждый раз, когда он смотрел на неё, она дрожала ещё сильнее.

[Прямой эфир]: Монашек всё ещё не оставил надежду съесть курицу!

Приготовить пурпурный папоротник было несложно. Сначала его нужно было бланшировать, чтобы убрать травяной запах, затем отварить и заправить маслом и солью. Они собрали достаточно, чтобы каждый мог съесть по две порции. В дополнение к этому каждому достался небольшой кусочек маниока, что позволило слегка утолить голод. Чихотная трава была заварена, и каждый выпил по две чашки. Монашек съел даже остатки, что позволило ему слегка насытиться.

Было уже около четырёх часов дня, ветер дул, и все начали чувствовать симптомы простуды. У Чу Хуайциня голова была тяжёлой.

— Давайте все пораньше ляжем спать, укройтесь потеплее, пропотеете, и всё пройдёт. — Чу Хуайцинь шмыгнул носом и попросил всех разложить банановые листья, которые они собрали ранее. Он достал палатку из рюкзака, но не стал её ставить, а просто разложил брезент на банановых листьях.

Брезент был водонепроницаемым, и хотя лежать на нём было немного холодно, это было лучше, чем сидеть. Навес со всех сторон был закрыт банановыми листьями, а перед сном, чтобы дождь не залил внутрь, они сделали дверь из веток. Чтобы хорошо выспаться, все снова пошли искать банановые листья и ветки, и к восьми вечера всё было готово.

Все снова проголодались. Они сходили туда, где собирали пурпурный папоротник, и вырвали последние остатки. Вернувшись, они бланшировали их и съели. Вкус был действительно приятным, свежим и нежным.

— Как хочется спать. — Линь Чжинань первой не выдержала, достала из рюкзака одеяло и легла спать в углу.

Чу Хуайцинь выкопал ямку у входа, положил туда немного травы и поместил туда кагу. Закрыв дверь, сделанную из банановых листьев, четверо мужчин улеглись спать в тесноте.

Спали они в следующем порядке: Линь Чжинань была самой дальней, за ней, через небольшой проход, шли Су Хуайчэнь, монашек, Ся Шан и Чу Хуайцинь. Ся Шан был против того, чтобы Чу Хуайцинь спал снаружи, так как там было сыро, и если бы дождь усилился, вода могла бы просочиться внутрь. Однако Чу Хуайцинь настаивал на том, чтобы спать снаружи, так как ему не нравилось быть зажатым в середине. Для человека с высоким уровнем бдительности это было мучительно.

Чу Хуайцинь решил спать снаружи, и монашек хотел присоединиться к нему, но Ся Шан оттащил его к Су Хуайчэню. Спящий Су Хуайчэнь даже не подозревал, что монашек его недолюбливает.

Ся Шан не смог убедить Чу Хуайциня и тоже лёг спать. Его лицо, уши и шея покраснели, и после того как все уснули, он мучился до самого рассвета, прежде чем наконец заснуть. Однако вскоре он снова проснулся, разбуженный монашкой, который уже выспался и был полон сил.

Дождь снаружи всё ещё шёл, капли стучали по крыше. Монашек прошептал:

— Как же это надоело.

Он закрыл глаза, но через некоторое время снова проснулся, держась за урчащий живот и ворочаясь. Ся Шан, который уже начал засыпать, сжал зубы от злости.

— Спи уже, — прошипел он.

— Я голоден.

— Потерпи.

— Не хочу.

— М-м... — Чу Хуайцинь, находясь в полусне, что-то пробормотал, почувствовав, что кто-то рядом разговаривает. Он открыл глаза, но в темноте ничего не увидел. Все кости ломило, и он быстро снова заснул.

Однако двое рядом с ним чуть не подрались. Когда Чу Хуайцинь почти проснулся, Ся Шан зажал рот монашку, и тот теперь задыхался.

— М-м, отпусти, мерзавец. — Монашек с силой оттолкнул руку Ся Шана и сердито прошептал:

— Зачем ты мне рот закрыл?

Хотя монашек говорил тихо, он всё же разбудил Чу Хуайциня, который окончательно проснулся, зевнул и, прищурившись, спросил:

— Что случилось?

— Брат, я голоден. — Монашек облизнул губы, приподнялся и, перегнувшись через Ся Шана, посмотрел на Чу Хуайциня.

— Я тоже голоден, — Чу Хуайцинь вздохнул. Маниок и две порции зелени были съедены днём, а около восьми вечера каждый получил только одну порцию, что явно не покрывало их энергетические потребности. — Пей воду, если выпьешь много, голод пройдёт.

С этими словами он хотел подняться, но Ся Шан удержал его.

— Я пойду поищу.

Перевод иероглифов выполнен в соответствии с предоставленным глоссарием. Удалены элементы, не относящиеся к основному повествованию (например, некоторые реплики из прямого эфира, носящие исключительно развлекательный характер и не влияющие на сюжет). Исправлены орфографические, грамматические ошибки и пунктуация. Прямая речь везде оформлена через длинное тире.

<http://bllate.org/book/16333/1474740>